B 4/89

2007055507

О СНОШЕНІЯХЪ ПАПЪ СЪ РОССІЕЮ.

(*Соч. ордин. проф. Иванова.*)

(СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.)

Въ 1841 году изданъ въ С. Петербургѣ первый томъ *Историческихъ Актовъ, относящихся къ Россіи, извлеченныхъ изъ иностранныхъ архивовъ и библіотекъ.* Это изданіе есть прекрасный плодъ обширной дѣятельности Археографической Коммиссіи. Въ предисловіи, почтенный редакторъ А. Х. Востоковъ сообщилъ свѣденія, какъ составилась сія коллекція чрезвычайно любопытныхъ документовъ. Польскій Король Станиславъ Августъ поручилъ Аббату Альбертранди сдѣлать для Нарушевича выписки изъ Ватиканской и другихъ Римскихъ библіотекъ. Подлинный экземпляръ этихъ выписокъ былъ подаренъ Королемъ тогдашнему нашему посланнику въ Варшавѣ Булгакову, а отъ него достался Г. Тургеневу. Покойный Историографъ пользовался сими извлеченіями и объ-

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ М.П. ПОГОДИНА

явилъ, что Г. Тургеневъ приготовляетъ ихъ къ печати. Но это предположеніе не исполнилось. Между тѣмъ, продолжительное пребываніе Г. Тургенева за границею открыло ему, при содѣйствіи правительства, возможность пріобрѣсти въ Италіи, Франціи, Англіи, Германіи, Даніи и Швеціи драгоцѣнные матеріялы для отечественной исторіи. Сіи значительныя пріобрѣтенія, вмѣстѣ съ выписками Альбертранди, поднесены Г. Тургеневымъ Государю Императору, и Его Императорское Величество Высочайше повелѣлъ Коммиссіи, въ исходѣ 1839 года, издать ихъ въ свѣтъ. Всю коллекцію Г. Тургенева составляютъ: 1) четыре тома извлеченій изъ Ватиканскаго тайнаго архива, съ XI до XVIII столѣтія; 2) выписки Альбертрандіевы въ одномъ томѣ, и 3) акты, найденные въ Туринѣ, Парижѣ и Лондонѣ. Археографическая Коммиссія опредѣлила напечатать это замѣчательное собраніе документовъ въ двухъ томахъ, изъ коихъ первый вышелъ въ 1841 году. Онъ содержитъ въ себѣ Ватиканскія выписки, съ 1075 по 1584 г., между которыми вставлены, гдѣ слѣдовало, извлеченія, сдѣланныя Альбертранди. Излишне было бы распространяться здѣсь о высокомъ достоинствѣ сего изданія, проливающаго яркій свѣтъ на многіе вопросы, понынѣ остававшіеся неуясненными. Занимающимся Русскою исторіею вполнѣ извѣстно, что сношенія Римской Куріи съ Россіею, ея долговременныя и усильныя домогательства пустить корни своей власти въ нашемъ отечествѣ, ея тягучее, упорное стремленіе достигнуть этой желанной цѣли, сопровождавшееся тяжкими для насъ испытаніями, накликавшее намъ и гибельныя внутреннія потря-

сенія, и опасныхъ внѣшнихъ враговъ, неутомимо изыскивавшее разныя средства, чтобъ только подчинить себѣ духовную нашу самостоятельность, нераскрыты еще надлежащимъ образомъ, такъ, какъ требуетъ того неоспоримая важность сего предмета. Историки доселѣ говорили о немъ мимоходомъ, не вникая въ его глубину; по этому причины нѣкоторыхъ весьма значительныхъ событій не были разгаданы (*). Теперь оказывается существенная необходимость заняться симъ дѣломъ, подвергнуть строгой критикѣ матеріялы, собранные въ послѣднее время, и извлечь изъ нихъ результаты, которые, безъ сомнѣнія, принесутъ великую пользу отечественному бытописанію. Любопытно видѣть, съ какимъ постоянствомъ, неохладѣвавшимъ и отъ частыхъ неудачъ, съ какою ловкостью, изощрявшеюся самыми преградами, Папство бралось за каждый случай, казавшійся ему благопріятнымъ для осуществленія задушевныхъ надеждъ и желаній. Сколь ни тѣсны рамы настоящаго краткаго обозрѣнія посягательствъ Папъ на наше отечество, однакожъ позволяю себѣ думать, что оно хотя нѣсколько раскроетъ политику, которою Римскіе первосвященники руководствовались

(*) Въ періодическомъ изданіи: Das Inland, выходящемъ въ Дерптѣ, помѣщено извѣстіе, что Г. Штрандманъ, скончавшійся 28 декабря 1842 г., поднесъ въ 1827 году Государю Императору первую часть своей *Исторіи древнихъ сношеній Папъ съ Великими Князьями Русскими*. Г. Штрандманъ жилъ съ 1818 по 1827 годъ въ Италіи и собралъ въ Миланѣ, Флоренціи, Венеціи, Римѣ и Монтекассино рѣдкія сочиненія для библіотеки покойнаго Канцлера Румянцова. См. 1843, № 15.

касательно Россіи. Кромѣ актовъ, изданныхъ Коммиссіею, и другихъ сочиненій, упомянутыхъ мною на своемъ мѣстѣ, немаловажнымъ пособіемъ служилъ мнѣ Сборникъ ученаго Чіампи: *Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze politiche, ecclesiastiche, scientifiche, letterarie, artistiche, dell' Italia colla Russia, colla Polonia ed altre parti settentrionali*, t. I, 1834, t. II 1839, Firenze.

Не возможно опредѣлить хронологически начало попытокъ Папъ утвердить свое обширное іерархическое вліяніе и въ нашемъ отечествѣ. Католическіе писатели (Манси, Лекіенъ, Котелеръ, Ассемани, Антверпенскіе Іезуиты, Виккарделли, даже Копитаръ) истощаются въ усиліяхъ доказать раннее внѣдреніе у насъ Латинства и заявляютъ, что оно предварило духовный союзъ Руси съ Византіею. Оставляя прочихъ при субъективномъ ихъ мнѣніи, напоминаю Г. Копитару собственныя его правдивыя слова: «si enim pro sua cuique cupiditate liceat historiam detorquere, quid intactum manebit et integrum»? (Glagolita Clozianus, p. IV). Давно уже дознано, какъ слабы выводы, основываемые на мелкихъ и пристрастныхъ соображеніяхъ прошедшаго!...

Первое извѣстіе о домогательствахъ западной церкви въ отношеніи Россіи принадлежитъ ко времени Св. Ольги. Почтенный Исторіографъ далъ ему совершенно превратное толкованіе. (И. Г. Р., 1, 177 и примѣч. 395). Обстоятельство произошло по слѣдующему поводу: Императоръ Оттонъ Великій получилъ, 962 г., согласіе Папы Іоанна XII на учреж-

деніе Архіепископской каѳедры въ Магдебургѣ. Главная цѣль, которую онъ имѣлъ при этомъ въ виду, была, какъ выражено въ Папской буллѣ, та, чтобы способствовать распространенію Христіанства между Славянами. Дѣйствительно, Латинскіе проповѣдники находились тогда между Прибалтійскими нашими соплеменниками, проникнули уже въ Польшу. Весьма вѣроятно, что Русь не укрылась также отъ ихъ покушеній. Дитмаръ Мерзебургскій (11, 335) положительно свидѣтельствуетъ о семъ. (Сравни: Voigtel, Geschichte des Deutschen Reiches unter Otto dem Grossen, 205—208). Равно и въ сохранившемся понынѣ отрывкѣ Магдебургскихъ лѣтописей (у Сагиттарія in Hist. ducat. Magdeb.) повѣствуется, что приходившій къ намъ въ ту пору Епископъ Адельбертъ, славный святостію жизни, отличавшійся глубокою ученостью, едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. Это сказаніе о худой встрѣчѣ, сдѣланной въ Руси католическому обращателю, становится вполнѣ достовѣрнымъ, если сблизимъ съ нимъ отвѣтъ, данный Великимъ Княземъ Владиміромъ I Нѣмецкимъ миссіонерамъ: «*отци наши сего* (т. е., Папскаго ученія) *не пріяли суть*».

Когда въ половинѣ IX вѣка давнія прѣнія Іерарховъ Византійскихъ и Римскихъ обратились въ открытый раздоръ, когда Болгарія привлекла къ себѣ соревнованіе враждующихъ, Папы, лишившись вліянія на эту страну, надѣялись достаточно вознаградить понесенную ими утрату подчиненіемъ нашего отечества своей зависимости. Послы Льва IX Кардиналъ Гумбертъ, Архіепископъ Амальфійскій Петръ и Діа-

конъ Фридрихъ (Cancellarius S. Rom. Sedis, въ послѣдствіи Папа Стефанъ X), прибывшіе въ Константинополь въ 1054 г., не достигнувъ желаннаго Императоромъ Константиномъ Мономахомъ примиренія церквей, и ускоривъ только неумѣстными притязаніями окончательный разрывъ единства между ними, возвратились въ Римъ черезъ Россію, какъ пишетъ о томъ самъ Гумбертъ въ *Brevis commemoratio eorum, quae gesserunt Apocrisarii S. Apostol. Sedis in regia urbe* (у Баронія ad ann. 1054, n. 19). Упоминаемый въ его повѣствованіи *civitas Russorum*, откуда Нунціи, согласно требованію Императора, отправили *exemplar excommunicationis Michaëlis Cerularii verissimum*, есть, по мнѣнію католическихъ историковъ, Кіевъ, гдѣ, говорятъ они, пословъ привѣтствовали на этотъ разъ съ отмѣннымъ радушіемъ. Въ Руси княжилъ тогда Изяславъ Ярославичь, незадолго предъ тѣмъ вступившій на престолъ, по смерти отца. Изъ лѣтописей не видно, чтобъ Папскіе уполномоченные успѣли въ чемъ нибудь, во время проживанія въ нашемъ отечествѣ.

Примѣры подобныхъ покушеній случались и прежде: при Владимірѣ Великомъ, Епископъ Реинбертъ пріѣзжалъ въ Туровскую область съ дочерью Польскаго Короля Болеслава, супругою Святополка, замышлявшаго отложиться отъ дяди. Нѣтъ сомнѣнія, что сей коварный братоубійца купилъ чужеземную помощь обѣщаніемъ измѣнить православію. Однакожъ, намѣреніе его не утаилось, и Реинберта заключили въ темницу. Дитмаръ Мерзебургскій (Chronic. lib. IV, apud Leibnitium Scriptor. rer. Brunswicens. t. I, pag. 357 et sq.)

разсказываетъ, что онъ (*praesul sanctae Cholbengiensis Ecclesiae* — т. е. Кольбергской церкви) находился до сего приключенія въ Кіевѣ, при дворѣ Владиміра, который *будто бы* дозволилъ ему, совокупно съ Греческимъ духовенствомъ, проповѣдывать Христіанскую Вѣру. Но это опровергается собственными словами Дитмара, повѣствующаго далѣе, что Владиміръ *cepit Reinbertum* (Карамзинъ ошибочно называетъ сего Епископа Реинберномъ) *et in singulari custodia claudit. In qua Pater venerabilis.... ex arcto corporis carcere solutus, ad libertatem perennis gloriae gaudiens transiit.* Если бы Великій Князь дѣйствительно даровалъ Реинберту позволеніе распространять у насъ Латинство, то онъ не подвергся бы такому наказанію. Католическіе писатели утверждаютъ также, что Ярославъ Владиміровичъ сносился, въ 1021 году, съ Папою Бенедиктомъ VIII, просивъ его о присылкѣ Епископовъ, дабы ускорить совершенное обращеніе своихъ подданныхъ къ Христіанству. Наши лѣтописи умалчиваютъ объ этомъ: несбыточно, чтобы Князь, столь ревностный къ вѣрѣ отеческой, рѣшился на подобное приглашеніе. Вѣроятнѣе, что въ ту пору, когда Ярославъ состоялъ въ союзѣ съ Генрихомъ II противъ Болеслава, Нѣмецкіе проповѣдники самовольно повторили прежнія свои неудачныя попытки (Pfister, G. der Teutschen, II, 108 — 109, n. I).

Впрочемъ, надлежитъ замѣтить, что тогда отчужденіе нашихъ предковъ отъ католицисма не проявлялось еще такъ рѣзко, какъ въ послѣдующія столѣтія. Доказательствомъ сему служатъ обширныя родственныя связи Русскихъ Князей

съ Государями западными. Казимиръ, перешедшій изъ скромной кельи Клюнійскаго аббатства на Польскій престолъ, женился, 1043 г., на Маріи, сестрѣ Ярослава Владиміровича, и она приняла Латинскую вѣру. Сынъ Ярославовъ Изяславъ имѣлъ супругою сестру Казимира. Самъ Ярославъ былъ женатъ на добродѣтельной и умной Ингегардѣ, дочери Олофа, Короля Норвегіи, признаннаго церковію святымъ. Прижитыя съ нею дочери выданы Ярославомъ: Анастасія за Андрея I, Короля Венгерскаго, Елисавета — за Гаральда IV, Норвежскаго Короля, прозваннаго Гардрадомъ или Строгимъ, Анна— за Генриха I, Короля Французскаго. Въ дополненіе къ извѣстіямъ, которыя почтенный Исторіографъ сообщилъ о бракѣ этой Княжны (И. Г. Р., II, 33, примѣч. 42 и 43), присовокупляю здѣсь свѣденія, отчасти упущенныя имъ изъ виду: за невѣстою ѣздили въ Русь знаменитый Епископъ Москій Готье, наименованный мудрымъ, и графъ Васцелинъ Хальникскій. Прибывъ 1050 г. въ Кіевъ, они нашли отличный пріемъ у Великаго Князя, духовенства и бояръ. Въ 1051 году, Анна съ необычайною пышностью коронована въ Реймскомъ соборѣ, при многочисленномъ стеченіи высшей іерархіи, феодаловъ и народа. (Chronicon vetus ab a. 986—1109, apud Duchesne Scriptores historiae Francorum, t. IV, pg. 97). Благоразуміемъ и кротостію нрава она, въ непродолжительное время, пріобрѣла общее уваженіе въ своемъ новомъ отечествѣ. (Gallia Christiana, opera et studio monachorum congregationis S. Mauri ordinis S. Benedicti, edit. altera. Parisiis 1744, t. VIII, pg. 1608.) На богатое приданое, вывезенное изъ Россіи, и на подарки, сдѣланные мужемъ, Анна устроила,

1059 г., великолѣпный монастырь въ Саплисѣ, *in honorem sanctae Trinitatis et piae Dei genitricis Mariae et praecursoris Domini et S. Vincentii Martyris*, съ тѣмъ, чтобы *ibi quieti et tranquilli religiosi viri Domino servientes, mundo renuntiantes, regularem... vitam canonice amplectentes*, молились *pro peccatis Henrici regis, ac filiorum et amicorum meorum, atque meis.* (ibid. t. X, pag. 204 et 1493.) Въ супружествѣ съ Генрихомъ она родила трехъ сыновей: Филиппа, Роберта и Гуго. Филиппъ, наслѣдовавъ отцу, даровалъ значительныя привиллегіи Саплисскому монастырю. Въ 1062 г. Анна вторично вышла за Графа Павла Валуа, какъ единогласно повѣствуютъ о томъ новые Католическіе Историки. Но безыменный сочинитель *Chronicon vetus apud Duchesne* l. l. pg. 88 говоритъ: *Regina Anna Rudolfum Comitem in conjugio accepit*, и, вопреки предположенію Карамзина, будто честолюбіе, узы семейственныя, привычка и вѣра Католическая, удержали сію Королеву во Франціи, прибавляетъ: *quo* (Rudolfo) *mortuo nativum repetiit solum*, вѣроятно около 1075 года, потому что до этой поры имя ея встрѣчается на всѣхъ государственныхъ актахъ, вмѣстѣ съ подписью Филиппа. Саксонъ Грамматикъ разсказываетъ, что Гида, дочь послѣдняго Англо-Саксонскаго Короля Гаральда, убитаго въ сраженіи при Гастингсѣ, находилась въ замужествѣ *за Русскимъ Княземъ Владиміромъ*. Кто сей Владиміръ? Внукъ Ярославовъ, по догадкѣ Исторіографа (11, прим. 45). Въ Нѣмецкихъ лѣтописяхъ упоминается, что Ода, дочь Леопольда, Графа Штаденскаго, и Кунигунда, Графиня Орламиндская, сочетались бракомъ съ Россійскими Князьями, въ половинѣ

XI вѣка. По мнѣнію Карамзина, Ода была супругою Вячеслава, а Кунигунда Игоря Ярославича (ibid. pg. 35) (*). Ламбертъ Ашаффенбургскій (Lambertus Schaffnaburgensis) пишетъ ad ann. 1043, что Русскіе послы *tristes redierunt* изъ Кведлинбурга (не изъ Госслара, какъ ошибочно показано у Исторіографа), *quia de filia regis sui* (Ярослава), *quam Regi Henrico nupturam speraverant, certum repudium reportabant.* Карамзинъ думаетъ, что Ярославъ Владиміровичь предлагалъ Генриху руку Анны, послѣ выданной за Короля Французскаго.

Можно выставить и еще нѣсколько примѣровъ тогдашняго родства нашихъ Князей съ Западными Государями. Старшая дочь Владиміра Великаго Предслава вышла за Богемскаго, средняя же, именемъ Премислава, за Венгерскаго Короля. Нѣмецкіе Историки утверждаютъ, что въ 1089 году, слѣдовательно въ Княженіе Всеволода Ярославича, Императоръ Генрихъ IV женился на Россійской Княгинѣ, которую они называютъ то Агнесою или Адельгейдою, то Пракседою, и присовокупляютъ, что прежде эта Принцесса на-

(*) Трейеръ доказывалъ, что на Одѣ былъ женатъ Всеволодъ Владиміровичь; Кунигунда же, по свидѣтельству Рённика, вышла за Святослава Владиміровича. Академикъ Миллеръ оспоривалъ эти предположенія въ брошюркѣ своей: Bedenken über zwo Vermählungen, womit das Geschlecht der alten Grossfürsten von Russland vermehret werden wollen, 1754, которой переводъ на Русскій языкъ помѣщенъ въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ Академіи Наукъ.

ходилась въ замужствѣ за Маркграфомъ Штаденскимъ. Кто сія Агнеса? Дочь ли Всеволода, или другаго Князя? Исторіографъ отвѣчаетъ: она *могла быть* дочерью Всеволода. Но Карамзинъ не зналъ нѣкоторыхъ любопытныхъ обстоятельствъ касательно этой Княгини; помѣщаю ихъ здѣсь. Генрихъ обходился съ нею жестоко и унизительно. (Stenzel, Geschichte Deutschlands unter den Fränkischen Kaisern, 1-ster. Bd. S. 253 — 258, 2-ter Bd. S. 61 — 64.) Наконецъ, въ Веронѣ приказалъ бросить ее въ темницу. Славная Маркграфиня Матильда, извѣстная преданностью Григорію VII, свѣдавъ о томъ, поспѣшила освободить злосчастную Императрицу и укрыла въ замкѣ Каносскомъ. Отсюда Агнеса приносила жалобы Отцамъ Церкви, присутствовавшимъ на Соборахъ Констанцскомъ (1093) и Піаченцскомъ (1095). Урбанъ II, тронутый печальною ея участью, позволилъ развестись съ Генрихомъ (Mansi Collect. Concilior. t. XX, pg. 800; Baronius ad ann. 1093 § 4, 1094 § 3, et 1095 § 2). Остальные дни жизни она, по увѣренію Католическихъ Писателей, провела въ Россіи, посвятивъ себя отшельничеству и скончалась Игуменьею. Около 1089 года, Евпраксія, какъ свидѣтельствуютъ Польскіе Историки, сестра Святополка Изяславича, отдана за сына Болеславова, но скоро овдовѣла: юный ея супругъ умеръ отъ отравы. Старшая дочь Святополка - Михаила, называвшаяся Сбыславою, сочеталась бракомъ, въ 1102 г., съ Польскимъ Королемъ Болеславомъ III Кривоустымъ; вторая, по имени Предслава, вышла, въ 1104 г., за сына Коломанова; самъ Коломанъ женился, 1112 г., на Евфиміи, дочери Владиміра Мономаха.

Вообще, въ X, XI и XII столѣтіяхъ, родственныя связи Русскихъ Князей съ Владѣтелями Западными были дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Понынѣ не удалось мнѣ отыскать ни одного указанія, чтобы въ то время, при заключеніи брачныхъ союзовъ съ иноземными лицами, постановлялись какія нибудь условія относительно вѣры, какъ это усматриваемъ, наприм., при Іоаннѣ III: выдавая Елену за Великаго Князя Литовскаго Александра, онъ требовалъ отъ нареченнаго зятя: *«нашой дочери держати свой Греческой законъ, а отъ тебе ей въ томъ неволи не будетъ; а и грамоту свою ты намъ дашь на то съ своею печатію».* (Сборникъ Муханова, N° 42, стр. 69.) Духовенство сначала не противилось подобнымъ сближеніямъ съ приверженцами Латинства; когда же увидѣло, что они, къ ущербу Православія, умножаются, тогда сильно возвысило голосъ въ охрану его отъ наплыва чуждыхъ понятій. Митрополитъ Кіевскій и всея Россіи Іоаннъ II, прозванный Добрымъ, *мужъ хитръ книгамъ и ученію*, о коемъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ сказано: *сякаго не бысть прежде въ Руси, ни по немъ не будетъ сякъ*, преставившійся 1089 г., при Великомъ Князѣ Всеволодѣ, въ *Правилѣ Церковномъ отъ Святыхъ книгъ вкратцѣ Іякову Черноризьцю* пишетъ: *«иже дщерь благовѣрнаго Князя даяти за мужъ въ ину страну, идѣ служать опрѣснокы и сквьрноядeніимь отметаються, недостойно и зѣло исподобно правовѣрнымъ се створити своимъ дѣтемъ. Съчтаніемъ Божественный уставъ и мірскый уставъ тоя же вѣры благовѣрьство повелѣваеть поимати».*

Первый актъ, которымъ начинается коллекція Г. Тургенева, есть посланіе Папы Григорія VII къ Изяславу Ярославичу. Оно уже напечатано Барониемъ въ *Annal. Eccl. T. XI*, откуда заимствовали его Карамзинъ, Мансн въ *Coll. concil. T. XX*, и новѣйшіе Католическіе Писатели Церковной Исторіи. Позволяю себѣ исправить ошибку, вкравшуюся въ изданіе Археографической Коммиссіи: вмѣсто *indubitanter asservans*, надобно читать *indubitanter asseverans*, какъ требуетъ смыслъ рѣчи и какъ дѣйствительно находимъ у Мансн. Полагаю также, что самые знаки препинанія въ этомъ предложеніи надлежитъ разставовить такъ: *indubitanter asseverans, illam suam petitionem vestro consensu ratam fore ac stabilem, si apostolicae auctoritatis gratia ac munimine donaretur.* Слѣдуя Мансн, я принялъ *consensu*. Историографъ, переводя это любопытное посланіе, частію сократилъ подлинникъ, частію невѣрно выразилъ содержаніе его. (II. Г. Р., II, 79.) Замѣчу еще, что въ Сборникѣ Г. Тургенева едвали точно означено: *Epist. 73*. Мансн, въ XX томѣ упомянутаго выше творенія, весьма важнаго для Исторіи Среднихъ Вѣковъ, помѣстилъ: *Gregorii VII Registri s. Epistolarum libb. XI* (десятой недостаетъ); тамъ показано: *Epist.* 74, а письмо къ Болеславу 73. Карамзинъ, разсказывая о семъ событіи, отзывается объ Изяславѣ слѣдующимъ образомъ: «жертвуя властолюбію *и православіемъ Восточной Церкви* и достоинствомъ Государя независимаго, онъ *признавалъ не только духовную, но и мірскую власть Папы надъ Россіею*». (ibid., стр. 78.) Однакожъ не видно, чтобы сіи сношенія имѣли какое нибудь дѣйствіе. Изъ посланія къ Болеславу Историографъ сдѣ-

лалъ небольшое извлеченіе. Не постигаю, на какомъ основаніи Католическіе Историки пришли къ заключенію: «если-бы тогдашняя Русь не почитала себя состоящею подъ управленіемъ Святѣйшаго Отца, и если бы между ея Церковію и Римомъ не было тѣснѣйшей, искреннеи дружбы, то Изяславъ, вѣроятно, не отважился бы обратиться къ Папѣ съ моленіемъ о помощи и покровительствѣ». Одинъ изъ нихъ, изложивъ письмо Григорія VII, въ порывѣ напрасной ревности, восклицаетъ даже: «*Russland ist also im eigentlichen Sinne des Wortes* (!) *ein Lehnreich des heiligen Stuhles.* (!?)» Подобные несправедливые толки о мнимомъ единеніи нашихъ предковъ съ Латинствомъ повторяются не въ первый разъ; но гдѣ доказательства тому? Иное дѣло, если скажемъ, что Русскіе изстари оказывали чужеплеменникамъ вѣротерпимость. На это есть неопровержимые доводы. Въ XI и XII столѣтіяхъ Кіевъ, по свидѣтельству Францскихъ лѣтописей, служилъ складочнымъ мѣстомъ Цареградскихъ товаровъ; многіе Нѣмецкіе купцы пріѣзжали туда за ними, надолго поселялись тамъ и заводили факторіи, пользуясь свободнымъ богослуженіемъ: «*quidam hujus ecclesiae familiaris, Hartwic nomine, habitans in regione Rusciae, in civitate Chiebe*». (Hartvici traditio, sec. XII, in cod. trad. S. Emmeran. c. 188, apud Pez. thesaur. anecd. t. I, p. III, pg. 173.) Впрочемъ, властолюбивая Римская Курія на необдуманномъ поступкѣ Изяслава созидала обширные планы. Урбанъ II присылалъ въ Россію, 1091 г., Епископа Ѳеодора къ Великому Князю Всеволоду Ярославичу. Какая могла быть цѣль сего посольства? Карамзинъ отвѣчаетъ: «намѣстники

Св. Петра безъ сомнѣнія всячески старались подчинить себѣ Церковь Россійскую». Но это объясненіе едвали удовлетворительно. Изъ Лѣтописей только Никоновская упоминаетъ о семъ случаѣ. Сообразимъ современное положеніе Европы и попытаемся дать рѣшеніе предлежащаго вопроса.

Уже давно притѣсненія, дѣланныя благочестивымъ странникамъ въ Обѣтованной Землѣ невѣрными, особенно съ той поры, когда начали властвовать надъ нею воинственные Сельчукиды (1073), породили негодованіе Западныхъ Христіанъ. Новѣйшій критикъ Исторіи Перваго Крестоваго Похода, Зибель, въ сочиненіи: *Geschichte des ersten Kreuzzuges* S. 231—255, усиливается доказать, что легенда о внезапномъ появленіи Петра Пустынника, о чудномъ вліяніи восторженной его проповѣди, о глубокомъ впечатлѣніи, которое на сердца Европейскихъ народовъ произвела мрачная картина бѣдствій Палестины, начертанная имъ съ необыкновеннымъ, всеувлекающимъ одушевленіемъ, — что сія поэтическая легенда, пущенная въ ходъ Хронистомъ Албертомъ Ахенскимъ и Вильгельмомъ Тирскимъ, нѣсколько столѣтій повторявшаяся безотчетно, а въ наше время пересказанная Мишо, Вилькеномъ и ихъ послѣдователями, не имѣетъ историческаго основанія. По словамъ Зибеля, самъ Папа Григорій VII, приглашая Западный Христіанскій міръ къ возвращенію Малой Азіи отъ поганыхъ, нисколько не помышлялъ о Крестовыхъ Походахъ, въ позднѣйшемъ смыслѣ этого наименованія религіозныхъ войнъ (ibid. S. 180). Неимовѣрное развитіе отшельнической жизни, въ связи съ весьма значи-

тельными успѣхами іерархической власти, — вотъ что, по мнѣнію сего ученаго изслѣдователя, возбудило набожный энтузіасмъ Европейцевъ и устремило ихъ на Востокъ. «Первый Крестовый Походъ», говоритъ онъ, «зависѣлъ не отъ внѣшнихъ причинъ, но отъ того изумительнаго настроенія умовъ, котораго полное выраженіе усматриваемъ мы въ Папствѣ. Мысль объ этомъ предпріятіи впервые блеснула въ пылкой головѣ Урбана II тогда, когда онъ находился среди Отцевъ Піаченцскаго Собора. Объятый ея пантіемъ, сей Папа не устоялъ въ борьбѣ съ нею, предался могущественному ея влеченію, и обильная плодами рѣчь была произнесена имъ предъ сонмомъ посѣтителей въ Клермонѣ. Едвали когда нибудь внимали голосу Римскаго Первосвященника съ такою безусловною вѣрою, какъ теперь, и едвали въ иное время возбуждалъ онъ столь общее сочувствіе! Какое-то тоскливое чаяніе томило души, чуждавшіяся мірской суеты, какія-то неясныя надежды тревожили помыслы, проникнутые убѣжденіемъ въ ничтожествѣ земнаго существованія, и вотъ тотъ, кому предоставлено вязать и рѣшить, кому вручены ключи царства небеснаго, грядущими обѣтованіями призываетъ на подвигъ, великій по цѣли, важный по слѣдствіямъ, и проповѣдь свою подкрѣпляетъ словами Искупителя: *si quis non bajulat crucem suam et venit post me, non potest meus esse discipulus.* Эти отрадныя обѣтованія, наболѣе же эти завѣтныя слова, потрясаютъ собраніе, *totus mundus post Summum Pontificem currit, avidus remissionem peccatorum accipere, et in numero SS. Martyrum esse*, въ числѣ другихъ и Петръ Пустынникъ». (ibid. S. 243.) — Впро-

чемъ, надобно замѣтить, что уже Шлоссеръ, прежде Зибеля, изъявилъ сомнѣніе касательно отношенія сего пламеннаго поборника Обѣтованной Земли къ Первому Крестовому Походу. Знаменитый Гейдельбергскій критикъ порицалъ Анну Комнину за то, что она приписала всё ревности Петровой, умолчавъ о заслугахъ Урбана II, и убѣдительно раскрылъ, что душою, рѣшительнымъ движителемъ предпріятія былъ этотъ Папа. Зибель только развилъ идею Шлоссера. Но молодой ученикъ Ранке упустилъ изъ виду весьма значительное обстоятельство: ему надлежало сперва *хронологически* доказать, что Петръ Пустынникъ началъ обращать вниманіе Западныхъ Христіанъ на Палестину дѣйствительно *послѣ* Клермонскаго Собора. Тогда лишь могли-бъ мы видѣть, что Урбанъ II приступилъ къ дѣлу по собственному внушенію, безъ малѣйшаго посторонняго вліянія. Этого-то и недостаетъ въ сочиненіи Зибеля. Полагаю также, что его увѣренія, будто Григорій VII не помышлялъ о Крестовыхъ Походахъ, не подтверждены удовлетворительными свидѣтельствами. Въ 31 посланіи *ad Henricum R.* (1074 г.), сей предпріимчивый Папа увѣдомляетъ: *et jam ultra quinquaginta millia ad hoc se praeparant et, si me possunt in expeditione pro duce ac pontifice habere, armata manu contra inimicos Dei volunt insurgere et usque ad sepulchrum Domini ipso ducente pervenire.* Въ другомъ случаѣ Григорій VII взываетъ: *ad nos venient, qui Christianam fidem vultis defensare et coelesti regi militare.* Очень естественно, что онъ желалъ ближайшаго и нужнѣйшаго, — именно изгнанія Сельчукидовъ изъ Малой Азіи. Но не Григорію VII, еще менѣе Урбану II, принадлежитъ перво-

начальная мысль о походахъ въ Палестину: она высказана Папою Сильвестромъ II въ 999 году. (Gieseler's Lehrbuch d. Kirchengeschichte, 2-te Aufl., II Bd., 2-te Abth., S. 33, u. f.) Послѣ этого Папы повторилъ ее Григорій VII; потомъ Викторъ III отчасти привелъ даже въ исполненіе 1086 г.: *de omnibus fere Italiae populis Christianorum exercitum congregans, atque vexillum b. Petri Apostoli illis contradens, sub remissione omnium peccatorum, contra Saracenos in Africa commorantes direxit*; наконецъ уже выступилъ Урбанъ II. Такимъ образомъ, предположеніе Зибеля о томъ, что до Клермонскаго Собора не было и помина относительно Крестовыхъ Походовъ, представляется неосновательнымъ. Сверхъ того, пока недоказано, что Петръ Пустынникъ взялся проповѣдывать послѣ этого Собора, не нахожу причины сомнѣваться касательно сильнаго впечатлѣнія, которое на духъ современниковъ сдѣлали его трогательные разсказы о страданіяхъ Азійскихъ Христіанъ. Я не отрицаю, что дарованія Петра оказались, со временемъ, ниже высокаго жребія, выпавшаго ему. Но возможно ли симъ фактомъ опровергать предшествовавшее вліяніе, заподлинно произведенное имъ? Развѣ не встрѣчались примѣры, что слово, высказанное во время, кстати, воспламеняло сердца, хотя иногда, по прихоти судьбы, обмолвливался такъ тотъ, чей умъ далеко не обнималъ всѣхъ результатовъ этого вѣщаго слова? Весьма удачно выразился Стенцель, что Петръ Пустынникъ *ist nur der Zünder der Mine, diese musste aber früher da sein.* Не тоже ли повторялось часто среди смутныхъ событій 1789 и послѣдующихъ годовъ? Люди, дотолѣ неизвѣстные, по ха-

рактеру, по талантамъ ничтожные, неожиданно пріобрѣтали чрезвычайный вѣсъ, и своими мнѣніями увлекали дѣятелей, несравненно надъ ними превосходствовавшихъ существенными достоинствами. Конечно, ихъ торжество походило на быстро исчезающій призракъ, но, тѣмъ не менѣе, его не льзя оспоривать, безъ нанесенія ущерба исторической истинѣ.

Позволяю себѣ думать, что благосклонные читатели не почтутъ сихъ замѣчаній излишними: важность предмета послужитъ мнѣ оправданіемъ. Въ одномъ я вполнѣ согласенъ съ Зибелемъ, именно въ томъ, что фанатисмъ, воодушевлявшій Крестоносцевъ, неимовѣрно увеличилъ могущество Папъ. Какъ верховный распорядитель предпріятій на пользу Обѣтованной Земли, Урбанъ II дѣйствовалъ съ неограниченною властію, и народы Запада безусловно покорствовали его волѣ. Послы сего Первосвященника были отправлены ко всѣмъ Европейскимъ Государямъ. Могъ ли онъ забыть и Великаго Князя Кіевскаго? Очень правдоподобно, что Урбанъ II даже зналъ о странствованіяхъ, совершенныхъ тогда нѣкоторыми набожными мужами и женами изъ Руси къ Мѣстамъ, освященнымъ возвышеннѣйшими воспоминаніями Христіанской Религіи, и несомнѣнно надѣялся, что ихъ сказанія уже достаточно приготовили соотечественниковъ къ участію въ положеніи Палестинскихъ единовѣрцевъ. Сбыточно и то, что Папа, вѣдая слабый нравъ Всеволода, помышлялъ теперь, подъ столь благовиднымъ предлогомъ, сперва отклонить его отъ общенія съ Византіею, завлечь въ

интересы Запада, а потомъ подчинить Римской Куріи. Какимъ же образомъ случилось, что наши предки устояли противъ искушеній дальновидной Папской политики, и не поддались религіозно-воинственному энтузіасму, обуявшему умы другихъ Европейскихъ народовъ? Безспорно, это завися́ло отъ вліянія Русскаго духовенства, не безъ причины долженствовавшаго опасаться послѣдствій единенія съ Римомъ. Но вотъ обстоятельство, которое трудно объяснить: при Великомъ Князѣ Всеволодѣ жилъ Митрополитъ Ефремъ, уставившій воспоминать 9 Мая о перенесеніи нетлѣнныхъ останковъ Святителя Николая изъ Миръ-Ликійскихъ въ Бари, Италіянскій городъ. Карамзинъ къ извѣстію о семъ присовокупляетъ: «праздникъ Западной Церкви, отвергаемый Греками, и доказательство, что мы имѣли тогда дружелюбное спошеніе съ Папою». Такое толкованіе не рѣшаетъ еще вопроса, что побудило Ефрема ввести въ Русь, около 1093 года, торжество, непризнанное Цареградскою Іерархіею? Страль дѣлаетъ догадку: частицы мощей, привезенныхъ Епископомъ Ѳеодоромъ въ даръ Всеволоду, не послужили ли поводомъ къ тому? Едвали! Лѣтописцы непремѣнно не умолчали бы объ этомъ. Вѣроятнѣе, что въ 1087 году, когда останки Св. Николая были перенесены изъ Ликіи въ Южную Италію, нѣкоторые благочестивые странники, по обычаю, въ ту пору нерѣдкому у насъ, ходили ко Гробу Господню, на возвратномъ пути сопровождали мощи Угодника Божія, потомъ, пришедши на родину, разсказами о видѣнномъ подвигли установить новое празднество въ честь Святителя, коего память издавна съ особеннымъ уваженіемъ

славилась въ землѣ Русской, и коего заступленію она поручала судьбу свою во всѣ годины тяжкихъ испытаній.

Въ бѣдственное для нашего отечества правленіе вѣроломнаго Святополка-Михаила, Папа Пасхалисъ II покушался воспользоваться междоусобіями, разорявшими злополучную Русь. Коварно враждуя съ Василькомъ и Володаремъ Ростиславичами, Великій Князь Святополкъ, пораженный ими 1099 г., отправилъ своего сына Ярослава за наемнымъ войскомъ въ Венгрію. Коломанъ, собравъ значительную рать, устремился въ Червенскую область. Отважный Половецкій Ханъ Бонякъ оборонилъ Ростиславичей. Венгры, по словамъ ихъ собственныхъ Лѣтописцевъ, потерпѣли *безпримѣрное* пораженіе. Сія доблестная побѣда уничтожила замыслы Коломана: надѣясь овладѣть Червенскими городами, онъ, безъ сомнѣнія по желанію Папы, взялъ съ собою Латинскихъ Епископовъ, чтобы присоединить тамошнихъ жителей къ Римской Церкви. Одинъ изъ этихъ проповѣдниковъ, по имени Купанъ, погибъ въ битвѣ. Современно княженію Святополка совершилось и другое достопамятное происшествіе, которое произвольно толкуютъ Католическіе Писатели. Въ Новгородъ прибылъ Св. Антоній Римлянинъ, полюбилъ уединенные берега Волхова, соорудилъ храмъ Рождества Богоматери, и устроилъ обитель, воспріявшую отъ него свое названіе. Повѣствуютъ, что онъ принесъ изъ Италіи церковные сосуды и разныя драгоцѣнныя утвари. Кончина его послѣдовала 1147 г., а мощи обрѣтены нетлѣнными въ 1597 году. Императрица Елисавета Петровна повелѣла, 6 Августа

1747 г., на празднованіе памяти Святаго Мужа, переложить ихъ въ пожертвованную ею богатую раку. Монастырь, основанный Антоніемъ, принадлежа къ древнѣйшимъ въ Россіи, устоялъ противъ грозныхъ семивѣковыхъ бурь, и понынѣ находится въ цвѣтущемъ положеніи. Католическіе церковные Историки, неизвѣстно по какимъ причинамъ, включаютъ Преподобнаго въ число ревностныхъ приверженцевъ Папизма, и на этомъ гаданіи утверждаютъ свои грёзы о тогдашнемъ тѣсномъ союзѣ Православной Церкви съ Римомъ.

Уже въ X и XI столѣтіяхъ Іерархи Русскіе вступали въ догматическія прѣнія съ Латинами. Такъ, наприм., Леонтій, по Кіевскому каталогу Святителей и Степенной Книгѣ, второй Митрополитъ въ Россіи, написалъ *Слово* къ Римлянамъ объ опрѣснокахъ. Оно хранится въ Московской Синодальной Библіотекѣ, а у Маттея означено подъ NN° 353 и 355. Авторъ съ великимъ жаромъ обличаетъ Западную Церковь въ заблужденіяхъ. Карамзинъ, упомяная о семъ, сдѣлалъ ошибку: два манускрипта одного и того же слова онъ почелъ двумя разными сочиненіями, назвалъ ихъ *мнимыми* произведеніями Леонтія и отнесъ къ XIV вѣку. Католическіе бытописатели обрадовались такому заявленію, и неумолимо порицаютъ будто бы *безыменнаго хулителя* Папства. Не знаю, на чемъ Карамзинъ основалъ свое подозрѣніе касательно подлинности Леонтіева творенія. Могу сказать лишь то, что внимательный изслѣдователь отечественной древности, Высокопреосвященный Евгеній, не призналъ его сомнительнымъ. Конечно, въ спискѣ, отмѣченномъ у Маттея подъ

№ 355, Леонтій именуетъ себя Митрополитомъ Переяславльскимъ, между тѣмъ какъ тамошняя Епархія учреждена около 1072 года; но этотъ анахронисмъ (Леонтій +1008) произошелъ, по всей вѣроятности, отъ вставки позднѣйшаго переписчика. Ослѣпленіе Историковъ Католической Церкви простерлось несравненно далѣе. Вопреки неоспоримой истинѣ, они находятъ подложнымъ даже Церковное Правило Іоанна II. Разсмотримъ ихъ возраженія.

Предварительно упомяну, что сей любопытный памятникъ нашей старинной письменности помѣщенъ въ Кормчихъ Книгахъ. Знаменитый Баронъ Герберштейнъ, дважды посѣщавшій Россію, сперва въ 1517, потомъ въ 1526 году, по порученіямъ Императоровъ Максимиліяна II и Карла V, впервые познакомилъ Европейскихъ Ученыхъ какъ съ Русскими Лѣтописями, такъ и съ этимъ сочиненіемъ Митрополита Іоанна II, присовокупивъ переводъ его на Латинскій языкъ къ своимъ запискамъ о Московскихъ дѣлахъ. Съ того времени оно постоянно подвергалось порицаніямъ Католическихъ бытописателей, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ только велась рѣчь о древнихъ отношеніяхъ Рима къ Руси. Недавно еще одинъ изъ нихъ пытался поколебать достовѣрность сего поучительнаго произведенія Іоаннова, основываясь на слѣдующихъ доводахъ: 1) сбыточно ли, говоритъ онъ, чтобъ Іерархъ, котораго правдивый Несторъ превозноситъ похвалами, изображая его мужемъ, искуснымъ въ наукахъ, смиреннымъ, молчаливымъ, милостивымъ къ сирымъ и вдовицамъ, равно ласковымъ къ богатымъ и убогимъ, — чтобы

такой свѣтильникъ Церкви рѣшился помрачить себя воспрещеніемъ паствѣ сближаться съ Латинами, ѣсть вмѣстѣ съ ними, особенно же вступать въ браки? 2) Да и возможно ли было исполнить этотъ запретъ тогда, когда Россія состояла въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ Папами и съ сосѣдними Государствами, усердно преданными Римской Куріи? 3) Въ минмомъ правилѣ Іоанна II встрѣчается имя Татаръ, а они пришли на Русь позднѣе. Въ разсужденіи перваго доказательства надлежитъ замѣтить, что сіи-то качества, приписываемыя Преподобнымъ Несторомъ благочестивому Митрополиту, и подвигли его явиться ревностнымъ поборникомъ Православія. Неумытно обличая заблудшихся, Іоаннъ оберегалъ чистоту вѣры отеческой. Касательно втораго довода скажу, что политическіе интересы могли вынуждать Князей уклоняться отъ общихъ правилъ, но подобныя исключенія не существовали для народа. Третіе возраженіе ничего не опровергаетъ въ глазахъ того, кто хотя нѣсколько знакомъ съ характеромъ нашей прежней грамотности: переписчики тяготились скучнымъ ремесломъ копированія, и порою давали вѣдать о своей мудрости гораздо болѣе грубыми промахами. И такъ, новый защитникъ давно проигранной тяжбы Папизма поспѣшилъ необдуманнымъ упрекомъ Карамзину и Стралю, будто они по малодушной лишь ненависти къ Римской Церкви признали подлиннымъ твореніе Митрополита Іоанна II.

Доселѣ прѣнія Россійскихъ Святителей съ Католиками ограничивались только нѣкоторыми предметами, а не углуб-

лялись въ сущность спорнаго вопроса. Рѣшительнѣе поступилъ Никифоръ I, достойный сотрудникъ Владиміра Мономаха. Между рукописями Синодальной Библіотеки найдено его *Посланіе* къ этому Князю *о Латинѣхъ, како отвержени быша отъ Восточныя Церкве.* Оно напечатано въ Памятникахъ Русской Словесности XII вѣка, изданныхъ въ Москвѣ, 1821 г., Калайдовичемъ. Никифоръ славился величіемъ духа, просвѣщеніемъ и дивнымъ даромъ слова. Что побудило его дѣйствовать съ такою смѣлостью? Католическіе Историки утверждаютъ, что онъ, родомъ Грекъ, уже въ Царьградѣ навыкъ враждебно смотрѣть на Римъ, и замышлялъ свою національную непріязненность къ нему, усплывшуюся со времени Крестовыхъ Походовъ, пересадить на почву Россіи. Ложное умствованіе! Развѣ въ числѣ предшественниковъ и преемниковъ Никифора не было Грековъ? Непричастный ни чувству ненависти, ни расчетамъ мірской политики, добродѣтельный Митрополитъ исполнилъ лишь обязанности въ отношеніи ввѣренной ему паствы. Онъ убѣдился опытомъ, что посягательства Римской Куріи умножаются, что Князья и народъ недоумѣваютъ, въ чемъ разнствуютъ догматическія понятія Восточныхъ и Западныхъ Христіанъ, и что сіе недоумѣніе открываетъ Католикамъ способы укоренять въ Руси свои мнѣнія, а потому и вознамѣрился объяснить распрю. Видно также, что она смущала любознательный умъ самого Мономаха: «*Въпрашалъ еси былъ, благородный Княже*», начинаетъ Никифоръ Посланіе, «*како отъвръжени быша Латина отъ Св. Православныя Церкве, и се якожь отвѣщавсл благородству твоему, повѣдаю ти сины ихъ*». Послѣ этого,

изложивъ уклоненія Папистовъ отъ древняго ученія, заключаетъ: «*Прочитай же, Княже мой, не единою, ни дважды, но многищею, и ты, Княже, и сынове твои*». Можетъ статься, что сего Іерарха тревожили родственныя связи Владиміра Всеволодовича не только съ Государями, преданными Папству, но и съ Ханами Половецкими, вопреки увѣщанію, дѣланному уже Іоанномъ II. Католическіе Писатели утверждаютъ еще, что твореніе Никифора не оказало нимальйшаго вліянія на Русское духовенство. Несправедливо! Въ числѣ рукописей Графа Ѳ. А. Толстаго, перешедшихъ въ Публичную Библіотеку, находится нѣсколько такихъ Сборниковъ, въ коихъ помѣщено и посланіе этого Митрополита; наприм. отд. I, N° 66, — II, 217, 244, 402, — IV, 64. Вообще, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, когда размолвка съ Римомъ приняла болѣе непріязненный видъ, произведеніе Никифора имѣло многочисленныхъ читателей, и на него ссылались, какъ на значительный авторитетъ.

Съ 1164 по 1166 годъ на Митрополіи Кіевской и всея Россіи сидѣлъ Іоаннъ III, по другимъ же каталогамъ IV, отличавшійся глубокою ученостью и кроткимъ нравомъ. Изъ его сочиненій сохранилось до насъ *Посланіе отвѣтное Папѣ Римскому*, какъ думаютъ, Александру III. Впрочемъ, мнѣнія о семъ различны. Въ манускриптахъ Синодальной Библіотеки означено имя Климента (VIII, по Фабрицію). Я придерживаюсь здѣсь Кульчинскаго, Преосвященнаго Евгенія, Карамзина и Муравьева. Это Посланіе писано первоначально на Греческомъ языкѣ, потомъ уже передано на отечествен-

ный. Латинскій переводъ помѣщенъ Баронiомъ Герберштейномъ въ его *Rerum Moscoviticarum Commentarii*, а Русскій—въ Памятникахъ Словесности XII вѣка. Историографъ изъявилъ подозрѣнія касательно подлинности сего замѣчательнаго останка нашей древней Богословской Литературы; но незабвенный Авторъ Словаря о бывшихъ въ Россiи Писателяхъ духовнаго чина основательно возразилъ ему, что ошибка въ означенiи имени Папы нисколько не умаляетъ достовѣрности самого Посланiя, которое оказывается несомнительнымъ и передъ строгою критикой. Что подвигло Iоанна сноситься съ Александромъ III? Муравьевъ отвѣчаетъ: желанiе мира между Восточными и Западными Христiанами, ибо тогда еще, по недавнему разрыву, съ обѣихъ сторонъ дѣлались взаимныя усилiя къ возстановленiю союза. Не слишкомъ ли отдаленное толкованiе? Почти также разсуждаетъ одинъ новый Католическiй Историкъ: «письмо Iоанна къ Римскому Первосвященнику изложено въ весьма кроткихъ, любви и уваженiя исполненныхъ словахъ, особенно же проникнуто непритворнымъ ожиданiемъ, чтобы Церковь Россiйская присоединилась въ лоно общей матери». Зачѣмъ такая произвольность? Изъ Посланiя ясно видно, что Папа, чрезъ кого-то изъ своихъ Епископовъ, вопрошалъ Митрополита о сущности Православной Вѣры. Iоаннъ не уклонился отъ этого вызова, спокойно, тономъ, приличнымъ важному его сану, раскрылъ согласiе нашей догматики съ Апостольскимъ ученiемъ, безъ лицепрiятiя и человѣкоугодiя обличилъ заблужденiя Католиковъ, напомнилъ о прежнемъ единствѣ Церквей, убѣждалъ Александра III возстановить его, совѣ

товалъ обратиться *«къ Св. Патріарху Константинограда и тамо сущимъ Св. Митрополитомъ, иже слово животно имуще яко свѣтила въ мірѣ сіяютъ и възможени суть Божіею благодатію, таковыхъ възискати съ тобою исправити»*, наконецъ предлагалъ свое посредничество: *«аще угодно ти будетъ, прочее напиши и худшему паче всѣхъ»*. Въ заключеніе скажу, что въ книгѣ, названной *Кирилловой* и напечатанной въ Москвѣ 1644 г., при Патріархѣ Іосифѣ, находится извлеченіе изъ Посланія Іоаннова, подъ заглавіемъ: *Указаніе отъ Правилъ обличительно на Ереси Латинскія Іоанна Митрополита Русскаго, о опрѣснощихъ.*

Достойно замѣчанія, что около 1174 года Удѣльный Князь Романъ Ростиславичь устроилъ въ Смоленскѣ школу для образованія духовенства: въ ней, кромѣ Греческаго языка, преподавали и Латинскій. Подобныя заведенія существовали во Владимірѣ и Галичѣ; однакожъ нѣтъ слѣдовъ, чтобы наши предки рано познакомились съ Римскими классиками. По тѣснымъ связямъ съ Византійскою Имперіею и Церковію, они преимущественно занимались Греческою духовною Литературою. То правда, Папы повремѣнно присылали къ Русскимъ Князьямъ Латинскія граматы; неоспоримо также, что сей языкъ, хотя очень рѣдко, употреблялся въ договорахъ (наприм. 1209 г., когда Всеволодъ III Георгіевичъ принялъ отъ Рижскаго Епископа въ ленное владѣніе Ливонскія земли; — 1323 г., при заключеніи трактата между Новгородцами и Шведами въ Орѣховцѣ, — ср. Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands'

von Lehrberg, S. P. 1816—); но такіе случаи не имѣли у насъ вліянія на распространеніе основательнаго изученія его. Можно только догадываться, что при дворѣ Князей были люди, нѣсколько свѣдущіе въ немъ. Съ XVI столѣтія, какъ увидимъ ниже, потребность въ знаніи этого языка сдѣлалась ощутительнѣе; тогда появились даже переводы нѣкоторыхъ Авторовъ, писавшихъ по Латинѣ.

Уже издревле происходили сообщенія Руси съ Сѣверными и Западными землями Европы посредствомъ Балтійскаго моря. Доказательствами тому: пришествіе Варяговъ, родство Россійскихъ Владѣтелей съ Государями чужестранными, пребываніе многихъ иноземцевъ въ Кіевѣ (Dithmari Chronicon ed. Wagner, p. 265), торговыя ихъ сношенія съ Новгородомъ (Adamus Bremensis apud Lindenbr. p. 58 c. 218, p. 19 c. 66), плаваніе нашихъ купеческихъ кораблей въ Визби (Nova acta societat. Upsal. II, p. 101), куда стекались обитатели всего Европейскаго Сѣвера, а Русскіе привозили драгоцѣнные мѣха, составлявшіе роскошную статью тогдашней коммерціи. Естественно, что значительныя выгоды, получаемыя отъ нея Прибалтійскими купцами, долженствовали побудить ихъ ко вступленію въ непосредственныя связи съ Россіею: они рѣшились пуститься по бурному морю къ Сѣверо-востоку, и, въ 1158 году, достигли устья Западной Двины. Еще Пасторъ Янау основательно опровергъ несправедливый разсказъ позднѣйшихъ Историковъ, будто открытіе Ливоніи совершилось случайно. Мнѣніе его подтвердилъ Страль. Какъ бы то ни было, для насъ важно лишь об-

стоятельство, что съ сей поры исчезаетъ мракъ, дотолѣ покрывавшій Остзейскія земли; подъ предлогомъ распространенія Христіанской Вѣры начинается въ нихъ кровопролитная борьба между пришельцами и первобытными жителями, окончившаяся почти истребленіемъ послѣднихъ; возникаетъ новое владѣніе, не разъ угрожавшее нашему отечеству и вовлекавшее его въ разорительныя войны. Сарторіусъ показалъ уже, какое вліяніе имѣлъ Орденъ Меченосцевъ на развитіе промышленной дѣятельности Новгорода и Пскова; политическія происшествія превосходно объяснены Ливонскими бытописателями, чему весьма много способствовало богатое собраніе тамошнимъ дворянствомъ старинныхъ документовъ, особенно изъ Кёнигсбергскаго Тайнаго Архива, и учрежденіе историческаго общества въ Ригѣ; мнѣ остается только изложить здѣсь, какъ воспользовались этимъ событіемъ Папы, чтобъ осуществить свои давніе замыслы касательно Руси.

Предварительно скажу еще объ одномъ случаѣ, находящемся въ тѣсной связи съ разсматриваемымъ мною предметомъ. Протекло много лѣтъ, и всѣ домогательства Шведовъ подчинить себѣ Финляндію оказались тщетными. Крестовые Походы могущественно волновали теперь умы Европейскихъ народовъ. Король Эрихъ Святой не упустилъ сего времени, вполнѣ благопріятнаго его намѣреніямъ. Прикрывая ихъ религіозными побужденіями, и разглашая объ искреннемъ своемъ желаніи обратить Финновъ въ Христіанскую Вѣру, онъ поднялъ оружіе, съ тайною цѣлію поработить

земли, населенныя ими. Сопровождаемый духовенствомъ и Гельзингерскими торговцами, Эрихъ сдѣлалъ, въ 1157 году, высадку на берега Финляндіи, принудилъ устрашенныхъ жителей креститься, и покорилъ беззащитную ихъ родину. Черезъ три года онъ былъ убитъ; колоніи, устроенной имъ въ Финской странѣ, угрожалъ совершенный упадокъ, еслибъ вольные переселенцы изъ Швеціи не поддержали ея. Вскорѣ открылись непріязненности между ними и предпріимчивыми Готландцами. Новгородцы, въ свою очередь, требовали отъ колонистовъ дани, ссылаясь на то, что Русь издревле владѣла землями, которыя теперь насильственно захвачены Шведами. Вспыхнула война. Весною 1164 года Шведскія шпеки явились передъ Ладогою. Мужественные Ладожане не оробѣли, сожгли домы внѣ городскихъ стѣнъ, заперлись въ крѣпости, храбро отражали приступы непріятелей, и послали гонцевъ въ Новгородъ, прося поспѣшной помощи. Испытавъ значительныя неудачи, враги удалились и расположились въ устьѣ Вороной, впадающей въ Ладожское Озеро на западномъ его берегу. Въ исходѣ Мая прибылъ съ Новгородцами Князь Святославъ Ростиславичь; произошла кровопролитная сѣча; Шведы искали спасенія въ постыдномъ бѣгствѣ. Опасность миновалась, но не надолго. Увидимъ, какія притязанія обнаружили, въ послѣдствіи, Шведскіе Короли, подстрекаемые Папами.

Въ 1188 году, Папа Климентъ III приглашалъ Великаго Князя Всеволода Георгіевича къ участію въ Крестовомъ Походѣ. Неизвѣстно, на чемъ Католическіе Историки основы-

ваютъ свое повѣствованіе, будто пастырскія убѣжденія Климента такъ подѣйствовали, что многіе ревностные иноки и богоболзненные мужи изъ Новгородскихъ гражданъ, соединившись съ Крестоносцами, отправились въ Обѣтованную Землю. Русскія Лѣтописи молчатъ объ этомъ.

Въ 1198 году на Папскій престолъ вступилъ Иннокентій III. Трудно обнять умомъ то почти невѣроятное вліяніе, которое онъ имѣлъ на свой вѣкъ. Никогда Ѳеократія не достигала такого грознаго могущества, какъ въ ту пору. Напрасно Императоръ Оттонъ IV утверждалъ: *ego quidem mundi dominus*; вотще доказывали законоискусники: *ergo apparet, quod neque Papa in temporalibus, nec Imperator in spiritualibus se debeant immiscere.* Иннокентій, на коего современники взирали съ благоговѣйнымъ изумленіемъ, о коемъ потомки отзывались съ подобострастіемъ, величая его *vir clari ingenii, magnae probitatis et sapientiae, cui nullus secundus tempore suo*, — Иннокентій непрестанно внушалъ духовенству и мірянамъ, что *Dominus Petro non solum universam Ecclesiam, sed totum reliquit seculum gubernandum*, что Намѣстника Св. Петра *reges propter Deum adeo venerantur, ut non reputent se rite regnare, nisi studeant ei devote servire*, что *quanto dignior est anima corpore, tanto dignius est etiam sacerdotium, quam sit regnum*, что *Romanus Pontifex non puri hominis, sed veri Dei vicem gerit in terris*, что *sicut universitatis conditor Deus duo magna luminaria in firmamento coeli constituit, luminare majus, ut praeesset diei, et luminare minus, ut nocti praeesset, sic ad firmamentum universalis Ecclesiae. quae coeli*

nomine nuncupatur, duas magnas instituit dignitates, majorem, quae, quasi diebus, animabus praeesset, et minorem, quae, quasi noctibus, praeesset corporibus: quae sunt pontificalis auctoritas, et regalis potestas. Porro sicut luna lumen suum a sole sortitur, quae re vera minor est illo quantitate simul et qualitate, situ pariter et effectu; sic regalis potestas ab auctoritate pontificali suae sortitur dignitatis splendorem, наконецъ, что *sacerdotium institutum fuit per ordinationem divinam, regnum autem per extorsionem humanam.* Почитатели же сего Первосвященника не полѣнились вычислить, что *Pontificem Romanum esse millies septingenties quadragies quater Imperatore et Regibus sublimiorem.*

Проникнутый пламеннымъ чаяніемъ осуществить желанную, завѣтную мечту Римской Куріи о вселенской Ѳеократіи, и замышляя сдѣлаться главою ея, Иннокентій III обратилъ особенное вниманіе на Славянскія племена. Всѣ обстоятельства того времени казались весьма благопріятными исполненію давно обдуманнаго плана; недаромъ самъ Папа, упоенный блестящими успѣхами, взывалъ: *tempus advenisse videtur, in quo destructis vitulis aureis Israel revertatur ad Iudam, et ad Hierusalem Samaria convertatur.* Дѣйствительно, онъ приблизился къ высокому идеалу, который, подобно неуловимому призраку, смущалъ властолюбивую душу Григорія VII. Цари и народы безусловно покорствовали непреклонной волѣ Иннокентія. Италія, обуреваемая внутренними раздорами, была для него легкою добычею. Въ Германіи, упорная распря за престолъ, возникшая между Филиппомъ

Швабскимъ и Оттономъ Саксонскимъ, предоставила ему способы еще болѣе увеличить свое вліяніе. Во Франціи, Филиппъ Августъ, послѣ тщетнаго сопротивленія, смирился предъ нимъ и принялъ отверженную Ингебургу. Альфонсъ IX, Король Леонскій, повинуясь грозному его слову, развелся съ супругою. Король Португальскій Санхо I уплатилъ обычную десятину, въ которой прежде отказывалъ. Петръ, Король Аррагонскій, призналъ себя данникомъ. Англійскій Король Іоаннъ долженствовалъ уступить *Domino Papae Innocentio ejusque catholicis successoribus totum regnum Angliae et totum regnum Hiberniae cum omni jure et pertinentiis suis.* Обширнѣйшіе виды открывались въ Царьградѣ, завоеванномъ Латинами 1204 года.

2007055507